

21. Portrety Polakow z Peterburga / Red.: J.Leonski, T.Rzepa. Poznan: Wspolnota Polska, 1992.
22. Rzepa T., Leonski J. Polacy w Rosji: Studium psychosocjologiczne Polakow z Sankt-Petersburga. Szczecin: Prace Osrodka Badan Biograficznych Uniwersytetu Szczecinskiego, 1994.

Ольга Бредникова, Елена Чикадзе

Армяне Санкт-Петербурга: карьеры этничности

«И все-таки армяне – особый народ!»

Сергей Довлатов

Армяне Ленинграда уже были объектом социологических исследований: в начале 1980-х годов [20] и в середине 1990-х [17]. Наши коллеги акцентировали внимание на уже сформулированной «инакости» армян, вооруженные заранее определенными критериями, такими как знание языка, обрядовость, религиозность, по которым определяется степень этнического самосознания. Группа исследователей под руководством З.Сикевиц (НИИКСИ) задается вопросом: «Измеримы ли «неуловимые» феномены этничности?» [17, с.4] и делает попытку их измерить, определяя процентное соотношение армян верующих/неверующих, владеющих/не владеющих армянским языком и т.д. [17, с.126–130]. Предполагается, что такие измерения «вырисовывают» картину исследуемой группы и демонстрируют отличия от окружения. Галина Старовойтова исследовала изменение «этнокультурных установок» армян Ленинграда, рассматривая его прежде всего как однонаправленный процесс по оси «этносегрегация» – «ассимиляция» [17]. Мы же попытались понять «реальность» самих армян, которая может отличаться (и отличается) от готовых идеальных схем, накладываемых исследователями на объект изучения. Каждый информант сам конструирует свой жизненный мир, представление о своей «армянскости». В нашей статье мы реконструировали жизненные траектории наших информантов как процесс становления их сегодняшней этнической идентичности.

Основным методом исследования стало интервьюирование. В 1995–1996 гг. было взято 21 биографическое проблемно-ориентированное интервью с людьми, определяющими себя как армяне¹. Таким образом, основа статьи – анализ интервью как дискурсивной этнической идентичности. «Этническая» биография, представленная

¹ К сожалению, участвующее наблюдение в общине велось недостаточно. В основном, это связано с проблемой ресурсов, прежде всего временных.

информантом, есть структурирование определенным образом его жизненного опыта, поэтому ее можно рассматривать как карьеру сегодняшней идентичности.

При выборе информантов существовал временной ценз на пребывание в городе – десять лет. Это связано прежде всего с тем, что армяне, достаточно долго живущие в Санкт-Петербурге, успешно интегрированы в среду крупного российского города, с ним связывают дальнейшие стратегии. Они уже пережили проблемы «вживания», этот опыт уже каким-то образом структурирован и отрефлектирован. Можно предположить, что ситуация с недавними экономическими мигрантами из Армении будет принципиально иной (например, это будет касаться их представлений об «армянскости» или способа построения общины прежде всего как сети поддержки). Но это тема дальнейшего исследования. Мы же сконцентрировали свое внимание прежде всего на различных сценариях конструирования этнической идентичности.

Мы не будем рассматривать здесь историю армянской общины в Петербурге, так как, с одной стороны, эта тема была достаточно подробно описана другими исследователями [23; 17 и др.], с другой стороны, в рамках нашего исследования она интересна прежде всего тем, что давность проживания армян в Петербурге и их значимость в его истории становится для них обоснованием представлений о легитимности «сосуществования», о том, что они тут – в Петербурге – «свои». Вообще, такой миф о «давности» проживания и «значимости в истории», а следовательно, и легитимности, характерен практически для всех этнических общин города. Так, например, если в татарской общине уже вышла книга «Татары в Санкт-Петербурге» [1], представляющая историю петербургских татар с 1703 года (даты основания Петербурга), то в армянской общине такая книга готовится. И можно не сомневаться, что начнется она тоже 1703 годом.

Что касается численности армян в Петербурге, то, согласно официальным данным, в 1989 она составляла 12070 человек [18, с.3]. Сегодня эта цифра, безусловно, гораздо выше в силу значительного потока беженцев и экономических мигрантов. Однако измерить их количество достоверно не представляется возможным, поскольку далеко не все прибывающие в город мигранты официально регистрируются. По данным микропереписи населения Петербурга 1994 года? доля армян с 1989 года выросла на 15% [16, с.1]. Более того, расчет количества армян не принципиален в нашем исследовании.

так как численность общины ничего не говорит о ее характере или «мощности». Формально армяне представляли в 1994 году 0,3% общей численности петербуржцев [16], это число тем более не может объяснить социальные процессы, которые нас интересуют.

Национальный миф как основа армянского сообщества

Вполне понятно, что армяне в Санкт-Петербурге не представляют собой однородной социальной группы. Среди наших информантов и первое поколение мигрантов как из самой Армении, так и из других республик Кавказа и Закавказья, и дети довоенных мигрантов, чьи родители (или прародители) бежали в Россию еще во время турецкого геноцида, и выходцы из смешанных петербургских семей. Их первичная социализация проходила в разных условиях, что не могло не сказаться на этнической идентичности, которая формируется и изменяется в зависимости от внешних факторов. Тем не менее, несмотря на все различия между нашими информантами (об этом подробнее будет сказано ниже), все они идентифицируют себя с армянским сообществом, причем армянская идентичность для них в той или иной мере значима.

Анализируя собранный материал, мы задались вопросом: почему петербургские армяне – включая выходцев из ленинградских смешанных семей, лишь дедам или прадедам которых довелось жить на территории Армении, – в отличие от некоторых других исследуемых нами этнических групп, настолько привержены воображаемому армянскому сообществу?

Наши коллеги, исходя из полученных методом анкетирования данных, полагают, что «сильнее всего их [представителей национальных меньшинств. – О.Б., Е.Ч.] сближают народные традиции и обычаи (27,2%) и общее историческое прошлое (27,2%)». Из этого они делают вывод, что «этническая идентичность членов этнодисперсных групп в русском городе <...> сохраняется за счет ориентации на свою национальную культуру, именно свои традиции подкрепляют их этническое своеобразие» [17, с.16]. Анализ нашего материала не позволяет нам согласиться с этим утверждением.

Прежде всего, мы разделяем точку зрения Л.Ионина, который, вслед за Э.Геллнером и И.Греверусом, утверждает, что традиционная национальная культура в современных государствах есть фикция, поскольку на территории каждого государства существовало множество локальных и региональных культур, и конструирование нацио-

нального культурного идеала (как следствие современного индустриально-технологического развития, требующего унификации образа жизни и культурных навыков) всегда происходит на основе какой-то одной из этих культур [11, с.161]. Тем более неправомерно, на наш взгляд, говорить об общих национальных традициях и обычаях армян, которые издавна являются «нацией рассеяния». Естественно, что традиции и обычаи армян, живущих, например, в Азербайджане или Северной Осетии, Краснодарском крае или Грузии, будут отличаться от традиций и обычаев армян, живущих в Армении (не говоря уже о том, что и в разных областях Армении обычаи и традиции разнятся между собой). Это подтверждают и наши информанты: «...армянских традиций... видите ли, армяне... то есть такие традиции областные значительно разнились, например, западных армян и карабахских. Это не одинаковые традиции. Но какие-то карабахские традиции соблюдались, какие-то были переосмыслены уже в таком советском варианте. Какие-то традиции, видимо, у армянской общины — она не осознавала себя таковой, но она была реально — в Баку были» (муж., 1956, из Баку).

Более того, информанты часто не понимают, что же это такое — «национальные традиции и обычаи», и не могут иногда дать ответ без наводящих вопросов. Из интервью:

В.: А какие-либо армянские обычаи в доме у вас сохранялись?

О.: Ну, я затрудняюсь сказать, что это чисто армянские обычаи, в основном кавказские, я бы сказал, какие-то обычаи, праздники какие-то, мы и азербайджанские праздники отмечали, и армянские. Я не знаю там, тот же "Христос воскрес" или [азербайджанское название] — праздник весны отмечали, по-разному в общем» (муж., 1968).

Представления об этих «обычаях» приходят прежде всего из публичного дискурса, которым уже сформулированы критерии этнических различий. Остается только приписать собственной повседневности «этнический характер». К «армянским традициям» относят, как правило, жесткое распределение гендерных ролей в семье (что, кстати, характерно и для других этнических групп Кавказа, и для «русских» в том числе), религиозность, кухню, язык. Но жизнь в таком крупном городе, как Петербург, постепенно унифицирует бытовые практики мигрантов, и часто уже первое поколение переходит в семейном общении на русский язык, и армянская кухня — особенно обыденная, не праздничная — вынужденно отступает перед обычными и доступными для горожан продуктами питания. Из интервью:

«До войны вот, когда мы жили в Ленинграде, скажем, кухня — вы о ней спрашивали — у нас дома была кухня только армянская. И, помню, родители говорили между собой по-армянски, и мама у меня всегда готовила армянские блюда, со всякими травками и так далее, и соседи наши очень любили заходить. Но потом вот, постепенно, с годами, по мере того как мы стали, так сказать, вживаться и обрусевать, все это потихоньку стало растворяться...» (муж., 1930).

«В.: Соблюдались ли в вашей семье какие-либо армянские традиции?»

О.: Отец языка не знал. Дед запретил разговаривать на армянском языке в семье. Ни отец, ни его сестра языка не знали. Но тем не менее он поддерживал дух... ну своеобразный, во всяком случае это касалось по крайней мере пищи. Кухню я знаю хорошо. Вот и все. А так — практически никак» (муж., 1939).

Религиозность, как правило, также не была присуща семьям наших информантов в Ленинграде². Среди них есть и неверующие, и относящиеся к армяно-григорианской конфессии, и православные, и неопиты. Но ни незнание языка, ни атеизм, ни отсутствие национальной бытовой культуры не мешают информантам считать себя армянами (иногда, правда, можно услышать по поводу забытого языка: «Наверное, я плохой армянин»). Таким образом, нам представляется очевидным, что не в «ориентации на свою национальную культуру» надо искать основания этнической идентичности петербургских армян.

Зигмунт Бауман перечисляет несколько наиболее характерных и эффективных факторов, лежащих в основе построения «естественного» сообщества: «одна кровь», то есть унаследованные черты одного характера и идущая с незапамятных времен связь с землей, которые якобы определяют судьбу и миссию расы; общее историческое прошлое, общие воспоминания о победах и поражениях, «наше общее историческое наследие», которое превращает нацию в единое целое, сплоченное навеки; общая религия, которая в далеком прошлом «родилась из откровения, снизошедшего на праотцев, затем подверглась гонениям, в результате чего верования предков стали

² Нам представляется некорректным замечание Г. Старовойтовой о том, что «для армян <...> посещение храмов нехарактерно» [20, с.123], поскольку в то время армянская церковь в Ленинграде была закрыта, и некоторые наши информанты участвовали в кампании за открытие армянской церкви в 1983 году, которая для многих из них закончилась плачевно.

священными и особо почитаемыми, а сохранение этого наследия – священным долгом и обязанностью потомков» [5, с.80]. Эти факты, которые «не выбирают по собственной воле и не отвергают», используются для мобилизации любого национального сообщества, но у армянского они имеют «превосходную степень», каждый из них подчеркивает исключительность или первенство армянского народа и его истории.

В основе разделенной исторической памяти у армян лежит идея «страшной судьбы вечных изгоев»³. Сужение Великой Армении («от моря до моря») до небольшой горной страны и геноцид армян окрашивают историю народа в трагические тона. Солидарность базируется прежде всего на том, что армяне маленький народ, в силу трагических обстоятельств разбросанный по всему миру: «*Ощущение, что я происхожу из народа, который имеет очень древнюю историю, что эта история почему-то оказывается все время трагичной, то есть... если отбросить период Великой Армении, от моря до моря, я имею в виду поэтапное сужение ее до маленького анклава. Ощущение того, что я часть того, что называют диаспорой, разбросанной по всему миру. И что эта ситуация заставляет меня... <...> что я должен что-то делать, что поддерживало бы...*» (муж., 1961). «*А нас же мало, нас мало*» (муж., 1956), «*армян всего 3 миллиона*» – об этом говорит практически каждый информант.

При этом подчеркивается представление о себе как о страдающей стороне, порождающее миф о национальном характере армянского народа, который «*миролюбив до самопожертвования*» (муж., 1956): «*...акцент был такой: смотрите, мы герои всегда, всю жизнь, вот мы защищали, а у нас потребности в захвате чего-то чужого не было вроде [речь шла о книге об армянах – Героях Советского Союза. – О.Б., Е.Ч.]. Вот это восприятие, что мы всегда были стороной защищавшейся. Вот это сохранилось, кстати, где-то вот, я помню, когда события в Баку только-только начинались, один из писателей <...> сказал, что армяне мазохизмом занимаются, все время вспоминают, что их кто-то убивал, резал и так далее. Такое впечатление, что это доставляет удовольствие, эта боль...*» (муж., 1961).

Армения не просто одна из первых христианских стран, но первая страна, которая приняла христианство как государственную ре-

³ Эти слова принадлежат армянской беженке из Баку, пришедшей в редакцию «Общей газеты» рассказать о своих мытарствах в Москве (См.: Общая газета, 1997. 17–23 апреля).

лигию, что подчеркивается всеми информантами. Все разделяют убеждение, что именно церковь позволила армянам сохраниться как нации в период отсутствия государственности и жизни в мусульманском окружении. Согласно исследованиям группы Д. Драгунского, армяне гораздо чаще других представителей этнических групп Москвы называют вероисповедание определяющим признаком этнической принадлежности [8, с.139]. Еще один предмет гордости, о котором также все знают, – древняя армянская письменность⁴.

Все эти факторы эффективно используются для мобилизации армян в национальное сообщество в самой Армении: 24 апреля, день памяти жертв геноцида 1915 года, – официальный поминальный день в Армении; историю армянского народа⁵ дети изучают в школах; в память жертв геноцида возведены величественные, поражающие воображение мемориалы. И постоянный нерукотворный символ Великой Армении и ее трагической судьбы – гора Арарат, так хорошо обозреваемая и, кажется, такая близкая, но находящаяся теперь на территории «врага» – в Турции. Гора Арарат продолжает символизировать Армению, именно ее изображение украсило герб Армении, как бы напоминая, что «*...сейчас республика Армения является частью восточно-армянской территории, частью*» (муж., 1956)⁶. И кто знает, сколько людей разделяет убеждение одного из наших информантов, что «*надо же возвращать и остальное <...> наше поколение вернуло Карабах. А твоему [информант обращается к дочери. – О.Б., Е.Ч.], может быть, придется возвращать остальное. Речь идет о... восстановлении исторической справедливости*» (муж., 1956).

События конца 1980-х годов – в равной степени как социально-политические (резня армян в Сумгаите и Баку), так и связанные с природной стихией (землетрясение в Спитаке и Ленинкане), после-

⁴ Для хранилища древних рукописей в Ереване построено величественное здание, расположенное в представительном с градостроительной точки зрения месте, – Матенадаран.

⁵ Название учебника также подчеркивает особенность «общего исторического наследия»: «*История армянского народа*». Не история Армении, ничего. Вообще у нас особенность такая, я тогда еще удивился. Есть «История России», есть «История Англии», а тут «История армянского народа» (муж., 1961).

⁶ Более того, использование изображения горы Арарат распространяется и на более «приземленные» предметы, представляющие Армению за ее пределами. Например, оно украшает эмблему армянского коньяка, который считается в России одним из лучших (из пределов Советского Союза). Есть основание предполагать, что те россияне, кто плохо знаком с историей и географией, считают, что гора Арарат находится на территории современной Армении.

довавшая за ними вынужденная миграция – подтверждают в глазах армян общую судьбу, которая «почему-то оказывается все время трагичной». Одна из наших информанток, рассказывая о своих родных, пострадавших во время землетрясения, говорит о том, что «армянская судьба повторяется» и что «моя жизнь – это история всех армян» (жен., 1939). То есть эти факторы актуализируют национальный миф и – как следствие – этническую идентичность, мобилизуют и консолидируют сообщество.

Национальная идея, наиболее ярко и мощно выраженная в Армении⁷, в той или иной мере охватывает армянские диаспоры как на территории бывшего СССР, так и в других странах⁸. Каждый из наших информантов, независимо от их возраста, образования, места рождения, социального положения, от их осведомленности в истории своего рода, владеет определенным минимумом знаний об истории Армении. В этом «наборе» самым важным оказывается «знание» о геноциде армян. Так формируется идея «нации рассеяния». Причем общую историческую память разделяют как те, чьи предки – родители, прауродители – сами пережили эти события и были вынуждены бежать со своей земли в Грузию, Россию и т.д., так и те, чьих семей не коснулись непосредственно эти события.

Но конструирование этнической идентичности у петербургских армян происходит по различным сценариям, и различия эти обусловлены, на наш взгляд, во многом средой их первичной социализации. Мы весьма условно выделили три такие группы: мигранты из Армении, мигранты из других кавказских республик и санкт-петербургские армяне.

Мигранты из Армении

Первичная социализация информантов этой группы проходила преимущественно в моноэтнической, армянской среде с – как мы видели выше – «узко направленным национальным сознанием», провоцируемым и поддерживаемым государственной идеологией.

⁷ Один из информантов, выросший в интернациональной среде азербайджанской столицы, говорит об «узко направленном национальном сознании» в Армении.

⁸ В рамках нашего проекта проводились также исследования «русскоязычных» эмигрантов «последней волны» в Берлине, среди которых есть и армяне. Армянская община в Берлине состоит из ближневосточных – в основном «турецких» – армян. Они не говорят по-армянски и недружелюбно относятся к советским армянам. Как показало исследование, нынешних эмигрантов из бывшего СССР община считает предателями, бросившими родину в тяжелую родину.

Их этническая идентичность была непроблематичной. Они «всегда знали, что они армяне», и не вспоминают или не акцентируют внимание на моменте «пробуждения», все как бы шло само собой. Из интервью:

В: У вас был такой момент, когда вы узнали, что у вас есть национальность и что эта национальность – “армянин”?

О.: Я никогда и не забывал, что я армянин.

В.: То есть вы всегда это знали?

О.: Да, постоянно, я никогда и не забывал, что я армянин.

В.: Я просто хочу, чтобы вы попытались вспомнить, как произошло это узнавание, потому что иногда это бывает для детей откровением.

О.: Я всегда знал, что я армянин, и я знал, что и мои дети тоже будут армянами» (муж., 1957, место рождения – Степанаван, Армения).

Приехав в Ленинград, они по-разному, но в конечном итоге достаточно успешно вписываются в среду крупного европейского городского русского языка. Как правило, они заводят себе круг армянских знакомств, и часто благодаря им устраиваются в городе (некоторые из наших информантов нашли работу и жилье в Ленинграде при помощи уже здесь возникших армянских связей): «У меня очень большой круг, очень большой круг [армянских знакомых]. С первых же дней, находясь здесь, у меня круг общения был. Я сейчас практически знаю на процентов 70 всех армян, живущих здесь. Меня знают очень хорошо. И при работе были армяне, и там, и круг знакомых» (муж., 1961).

Но несмотря на успешность интеграции, они «никогда не забывают, что они армяне». Именно представители этой группы выступали инициаторами ежегодных встреч 24 апреля, они же начинали в Ленинграде борьбу за открытие армянской церкви еще в доперестроечное время, когда подобные действия были чреваты репрессивными мерами со стороны властей. То есть выступают, по выражению З.Баумана, «профессиональными ораторами для сообщества» [5, с.130]. Поэтому их участие в создании армянской общины в Петербурге и затем включенность в ее деятельность закономерны.

Информанты, выросшие на Кавказе, но вне Армении

Представители этой выделенной нами группы росли, как правило, в многонациональной среде, где «армянские традиции» были

